

Леопольд Сенгор и его проект ЕвроАфрики

Пусть мы ответим: «Здесь!» — когда нас позовет Возрождение мира.
Пусть мы станем дрожжами, — без них не взойти белому тесту,
Ибо кто внесет оживляющий ритм в этот мертвенный мир машин и орудий..?
Леопольд Седар Сенгор

Сенегальский стрелок — будущий президент Сенегала

Много лет назад в Москве с послом Республики Мали, бывшим министром образования и науки своей страны, доктором Абдуллаем Шарлем Даниоко состоялось обсуждение одного кинематографического проекта. В ходе развернувшейся дискуссии неутомонный в творческих исканиях Ролан Быков упомянул об одном уникальном ролике. Он практически случайно попал ему в руки во время работы в Западной Европе над задуманным им грандиозным фильмом о Второй мировой войне. Фильм должен был сниматься на двух главных фронтах, включая Германию и Японию, но, к великому сожалению, так и не был завершен из-за безвременной кончины режиссера.

Ролик, о котором рассказал Р. Быков, запечатлел Францию 1940 года. Немецкий лагерь военнопленных в городе Амьене. Крупным планом сняты африканцы в обшарпанной форме французских солдат. Они героически сражались с фашизмом на стороне «родной» метрополии, интенсивно пополняя национальную армию уроженцами Французской Западной и Французской Экваториальной Африки. За ними еще со времен Первой мировой войны закрепилось название сенегальских стрелков. Трогательный бронзовый памятник 600 тысячам африканцев, павшим на полях сражений Западного фронта Первой мировой войны, стоит сегодня в центре города Бамако — столицы Республики Мали, ранее носившей название Французского Судана.

Вернемся к кинокадрам, обнаруженным Р. Быковым в каком-то богом и людьми забытом архиве. Вначале неизвестный оператор

АНДРЕЕВ Игорь Леонидович — главный научный сотрудник Института философии РАН, профессор, доктор философских наук.

Ключевые слова: Леопольд Сенгор, африканец, европеец, проект ЕвроАфрики, негритюд, Африканский Социалистический Интернационал.

показал узников-французов, деморализованных поражением и пленом, поникших, опустошенных, явно выбитых из жизненной колеи на родной для них земле. Затем камера скользит по лицам и фигурам африканцев. И не верится собственным глазам! На фоне своих «цивилизованных» товарищей по оружию они выглядят неприлично оптимистичными. Кто-то выбивает мелодию родного тамтама на кастрюле, несколько минут назад опустевшей от лагерной бурды. Другие присвистывают, пританцовывают под нее. Третьи подпевают. Остальные, прикрыв глаза, просто улыбаются своим воспоминаниям...

Среди плененных фашистами африканских защитников Франции камера неожиданно коснулась и лейтенанта Сенгора, выпускника Сорбонны, с 1935 года доктора наук по специальности «французская филология и литература». Он добровольно пошел на борьбу с фашизмом, вместе с земляками отчаянно сражался с моторизованной армией Гитлера. Был тяжело ранен во время танковой атаки на плохо вооруженных африканских солдат. Два года провел в немецком плену. Затем — побег, борьба в одном из отрядов маки.

Мы — птенцы, выпавшие из гнезда, лишенные надежды, ослабевшие телом,
Звери с выданными когтями, обезоруженные солдаты, голые люди.
Вот мы, одеревенелые, неуклюжие, как слепые без поводья.
Самые честные умерли: они не сумели протолкнуть себе в горло корку позора.
А мы в тенетах, и мы беззащитны перед варварством цивилизованных.
Нас истребляют, как редкую дичь. Слава танкам и самолетам!

Таким выглядит в устах молодого поэта-офицера трагический сюжет уничтожения и пленения остатков корпуса «сенегальских стрелков» в самом начале Второй мировой войны. Далее — описание фронтового концлагеря 230. Напоминаю: Амьен, 1940 год.

Вот огромный поселок из глины и веток, поселок,
распятый чумными канавами.
Это огромный поселок, намертво схваченный колючим ошейником,
Огромный поселок под прицелами четырех настороженных пулеметов.
И благородные воины кланчат окурки,
ссорятся с псами из-за объедков, и ссорятся во сне из-за собак и кошек.
Но все же только они сохранили простодушие смеха и свободу пламенных душ,
Кто же будет плясать в воскресенье под тамтамы солдатских котлов?
разве они не свободны свободой судьбы?

Стихи, рожденные поэтическим гением африканца в огненном грохоте танковой атаки противника, потрясают самобытностью и экспрессией. Бронированные чудовища, перед которыми маленький чернокожий солдат с непривычной для него винтовкой не может не испытывать естественного ужаса, ассоциируются в сознании поэта со стадом взбесившихся слонов-мутантов: грязных, извергающих зловоение, с неестественно вытянутыми, уродливыми хоботами, изрыгающими огонь, и со зловещими черными пауками на болотно-зеленых боках: «Европа меня распластала — пушечным мясом под слоновыми ножищами танков...»

Совсем другое дело — свой, сильный и великодушный слон из священной родовой рощи Мбиссель вблизи провинциального городка

Жоаль — малой родины поэта. К нему он взывает в трагическую минуту, как бы подчеркивая, что слоны, как и люди, бывают разными: естественными, добрыми, преисполненными гордого благородства — и злобными, искусственными, огнедышащими их бронированными подобиями на полях бессмысленно жестоких сражений в чужой Европе.

Слон Мбисселя, пусть твоими ушами, невидимыми для глаз,
слушают предки меня, мою почтительную молитву.
Благословенны будьте, мои отцы, будьте благословенны!
Купцы и банкиры, властители золота и предместий,
где лесом вздымаются трубы,
Они благородство свое купили за деньги, и черной была
белая кость их матерей,
Купцы и банкиры вычеркнули меня из Нации.
На гордом моем гербе написали: «Наемник». Хотя они
знали: я не требую платы,
Разве только десять грошей, чтоб укачать свои грезы
в табачном дыму и смыть глотком молока синюю горечь.
Я снова посеял зерно своей верности на полях поражения — в час,
когда Бог обрушил на Францию свинцовый кулак.
...Знаете, вы: я мечтал о солнечном мире, где мы побратаемся
с синеглазыми нашими братьями.

Является ли африканец «европейцем наоборот»?

Как поэт Сенгор прославился поэмой «Черная женщина», возвышенно провозгласив коренную африканку идеалом красоты и эталоном эстетичности, благородства, непосредственности движений и естественности женских форм, превосходящих всех Афродит и Венер вместе взятых. Прислонившаяся к стволу баобаба чернокожая мадонна под росчерками молний и в грохоте тропической грозы. По ее прекрасному точеному телу сбегает дождевые потоки, омывая голову, шею, грудь. На миг озорная капелька задерживается на кончике соска. Шедевр эстетики и эротики, не доступный разодетым и напмаженным европейкам!

...Обнаженная женщина, непостижимая женщина!
Спелый туго налившийся плод, темный хмель черных вин, губы,
одухотворяющие мои губы.
Саванна в прозрачной дали, саванна, трепещущая
от горячих ласк восточного ветра;
Тамтам изваянный, тамтам напряженный, рокошущий
под пальцами Победителя-воина;
Твой голос, глубокий и низкий, — это пенье возвышенной Страсти.
...И в тени твоих волос светлеет моя тоска
в трепетном ожидании восходящего солнца твоих глаз.
Обнаженная Женщина, Черная Женщина!
Я пою преходящую красоту твою,
чтоб запечатлеть ее в вечности,
Пока воля ревнивой судьбы не превратит тебя
в пепел и прах, чтоб удобрить ростки бытия.

Это пишет хорошо знавший Европу человек, женой которого была сестра тогдашнего премьер-министра Франции Жоржа Помпиду! Человек — поистине легендарный. Великий поэт и философ Африки. Член

Французской Академии, избалованный вниманием весьма придиричивой, капризной, мало предсказуемой публики. После войны Сенгор 15 лет работал в парламентских и правительственных структурах Французской Республики. Он — руководитель депутатской группы «заморских территорий» и колоний, вице-спикер Национального собрания Франции. Убежденный католик с прекрасным теологическим образованием, Леопольд Сенгор в процессе начавшейся деколонизации Африканского континента в 1958 году был избран Генеральным секретарем Социалистической партии Сенегала, а в следующем году стал Председателем Федеральной ассамблеи Мали. С 1960 года он — первый и до сих пор почитаемый народом Президент Республики Сенегал, страны с подавляющим преобладанием мусульманского населения. Лишь в канун 1981 года 75-летний Сенгор обратился к парламенту с просьбой сменить его на посту главы государства. Чтобы, как он изящно выразился, надоевший «дипломатический паркет» не мешал ему посвятить остаток насыщенной событиями жизни занятиям философией, поэзией, теоретической и политической деятельностью в рамках Африканского Социалистического Интернационала, созданного им для осмысления и усвоения мирового опыта общественных преобразований.

Подобно российским западникам-либералам, Сенгор поначалу педантично вводил в своей стране заимствованную в метрополии многопартийность, затем примерял для Африки теоретические одежды рожденной в Западной Европе социал-демократии. Не подошли... Когда почувствовал эту нестыковку, осознав, что не все подходит в кардинально отличной от Франции социальной среде и совершенно ином психологическом климате, стал объяснять: «Африканская демократия в основном базируется на разговорах. Разговоры — это диалог, или, еще лучше сказать, коллоквиум, в ходе которого каждый имеет право сказать, у каждого есть площадка для выражения мнения. Но раз мнение высказано, меньшинство подчиняется большинству для выражения единодушия. Затем единое мнение претворяется в жизнь без всяких отклонений. Как видите, “разговорная демократия” далека от диктатуры, равно как от анархии и вседозволенности».

А по поводу «особого» отношения граждан африканских стран к своим президентам Сенгор пытался разъяснить европейским социал-демократам особенности традиционного мышления: «Президент олицетворяет нацию, как некогда монарх — свой народ. Массы не обманываются, когда говорят о царствовании Модибо Кейты, Секу Туре или Уфуэ-Буаьи, в которых они видят прежде всего избранников Бога через посредничество народа». Словом, за кадром всех его размышлений о будущем стран континента вставал один и тот же двуликий вопрос: *является ли африканец «европейцем наоборот»?*

«Танцующее» мышление или картезианская логика силлогизмов?

Имя Сенгора мир услышал вместе с резким, как хлопок выстрела, словом «негритюд» и воспринял его как наиболее последовательного, тем-

пераментного и концептуального глашатая специфической доктрины негро-африканской самобытности. Негритюд на полвека стал стержнем и смыслом жизни, поэтической, теоретической и политической деятельности Сенгора. При всех неизбежных издержках этой дерзко полемической концепции особого «африканского мира» и язвительных ремарках в ее адрес со стороны ряда представителей африканской интеллигенции, негритюд и подвижническая деятельность Сенгора останутся вехой интеллектуальной эволюции мировой культуры XX века. Особенно в контексте его размышлений о возможности бесценно оригинального вклада Африки в сокровищницу общечеловеческого будущего. «Не стоит делить мир, — любил говорить Сенгор, — все мы под одним небом».

Идея осознания представителями негроидной расы самоценности своей культурной оригинальности созвучна традиционному российскому славянофильству и более поздней концепции евразийства. Под пером Сенгора («африканского» европейца и «европейского» африканца) она

Имя Сенгора мир услышал вместе с резким, как хлопок выстрела, словом «негритюд» и воспринял его как наиболее последовательного, темпераментного и концептуального глашатая специфической доктрины негро-африканской самобытности.

кристаллизовалась как специфический синтез глубокой концептуальности (черта западного мышления) и яркой образности (свойственной африканскому мировосприятию) в фокусе его мечты о грядущей Евро-Африке — предтече всемирной гуманистической цивилизации на фундаменте единой человеческой культуры. От тезиса, что негро-африканская цивилизация оригинальна, самобытна и самоценна, Сенгор пришел к концепции вырождения и неизбежного краха машиноподобного, пропитанного бизнесом и погоней за деньгами образа жизни Запада без его органичного синтеза с трепетной и «дышащей природой» африканской душой. Отсюда — размышления об ЕвроАфрике, братском союзе с «белолицыми, голубоглазыми, розовоухими братьями» во имя грядущего блага всего Человечества. Здесь — явное созвучие идеям Александра Блока, Николая и Льва Гумилевых о судьбах Евразии, а также замечаниям Арнольда Тойнби о важности для мировой истории древних контактов народов Афразийских и Евразийских степей и пустынь как планетарного фактора сближения цивилизаций, культур и менталитетов Запада и Востока.

В Африке — резонирующая с биением сердца, будоражащая и сплывающая людей нервная дробь тамтама, импульсивные ритмы танца в освещенной костром саванне или на специально расчищенной поляне в джунглях. В Европе — монотонно-размеренное тиканье «бездушных» часов. Порождающий жестокие кровавые конфликты зловещий шелест коварных хрустящих купюр, машиноподобный темп исступленно-маниакального, затягивающего человека в коварную воронку «делания

денег» бизнеса, риска. В Африке — гуманизм обычая предков, идиллия гармонии с природой, коллективизм, взаимопомощь и сочувствие людей. В Европе — социальные антагонизмы, агрессия, беспардонное расхищение природы, угнетение и дискриминация человека человеком.

Африканец — поэт, лирик. Европейец — инженер, прагматик. Первый отражает окружающий мир и выражает свое отношение к нему танцем, искусством, душой, сердцем. Второй — формулой, наукой, умом, мозгом. В Африке человек искренне наслаждается восприятием природы и людей. В Европе он безжалостно эксплуатирует и природу, и себя, и себе подобных. Лихорадочно считает деньги, непрерывно смотрит на часы, спешит, куда-то постоянно мчится. Почти все собственно человеческое в нем выжжено «крысиными гонками» за успехом, прибылью и славой, подчинено функции наживы, расчеловечивающей его самого¹.

Африканцев, как и россиян, на Западе поражает атомизированность общества, безразличие людей друг к другу за пределами очень узкого круга родных и друзей, тотальный эгоцентризм, всесокрушающее одиночество. Эмоционально-растерянную позицию Сенгора как бы подтверждают белые стихи африканца, оказавшегося во Франции на заработках: «Я песчинка в огромном своем одиночестве. Но все равно я смеюсь. Ох да, я не побрился сегодня. Впрочем, неважно. На меня все равно никто не глядит. Все в вагоне читают. В переходах бегут. В вагонах читают. Не теряют времени даром. А я в переходе люблю постоять. Послушать, как песни поет молодежь. Мне так хочется с кем-то перемолвиться словом. С кем — все равно. С кем угодно. Но нет. Они думают, что я нищий. Разве могут быть нищие в этой стране? Я не встретил ни одного. Люди выходят, толкаются. Те, что вышли, похожи на тех, что вошли».

После неудачных попыток обратить на себя внимание и найти собеседников он делает горестный вывод о своей фатальной несовместимости с бездушным окружением. С богатым, но психологически далеким и чуждым ему, дискомфортным, свернувшим контакты до уровня сугубо деловых, «выгодных», ставшим, по сути дела, практически не общающимся обществом Запада. «Разве ты сумасшедший? Или просто чудак? Ты опасен? Да нет. Одинокий ты, вот кто. Ты прозрачный. Невидимый. Вот почему проходят все мимо... Вот и не о чем больше мечтать. Завод никогда не остановится. Над городом всегда будут висеть тучи. В метро — всегда равнодушные металла. Это грустно. Мечта должна подождать. В конце месяца я пойду на почту и отправлю деньги жене. В конце месяца на почту я не пойду. Я уеду домой». Вероятно, по сходному психологическому алгоритму принимают решение о возвращении на Родину и многие из россиян, эмигрировавших на казавшийся благословенным Запад.

Чтоб не распалась цепь времен

Вместе с тем именно в рамках поверхностной абсолютизации глубинной сущности негритюда идея фатально неустраимого различия

¹ См.: Senghor L. S. Nation et voie africaine du socialisme. Paris, 1961; *idem*. Liberte 1. Negritude et humanisme. Paris, 1964.

негро-африканской души и европейского характера была доведена Сенгором (и особенно его подражателями) до наивно-абсурдной антитезы «чистых» эмоций и «грязного» разума, трепетного эмоционально-возвышенного духа и низменно-расчетливой, вульгарно приземленной материи. Другая, откровенно экстремистская, ветвь негритюдного дерева в процессе борьбы с куклуксклановцами в южных штатах Америки вплотную подошла к идее черного расизма, призыву создать «партию миллиарда чернокожих всего мира», с тем чтобы убедить белых и желтых в том, что идеалом человека будущего является африканец и только он один. Движение «черных пантер» и группировка «Малькольм Х» в США — плоды этого уродливого побега-мутанта.

Тенденция идеализации милого, привычного прошлого лежит и в подтексте африканской этнофилософии. В «моральной философии» *волоф*, основной народности Сенегала, эта первичная социальная мораль выражена в ярких образах, взятых из сказок, легенд, преданий и из традиционных норм поведения, обычаев, ритуалов, мистифицируемых в духе «вечной мысли». Она призвана помочь индивиду раскрыться Другому в такой системе отношений, где каждый стремится к тому, чтобы Человек ежедневно морально обогащался и становился все более уважаемым, приближаясь в своей духовности к Богу.

Бельгийский пастор П. Темпельс, много лет проработавший в Камеруне, назвал провозглашенную им этнофилософию магической, созвучной мифам. Однако миф и магия есть формы мировосприятия и жизнедеятельности людей на определенной ступени социально-культурного развития и лишь вторично — способ объяснения действительности (в большей степени художественно-метафорический, нежели концептуальный). Философия же есть познание, оперирующее словесно оформленными абстракциями, а не антропоморфными образами, характерными для мифологического и магического мышления.

Негритюд и этнофилософия во многом совпадают, дополняя друг друга. Но есть между ними и различия. Если негритюд делает акцент на африканский «антимир» культуры, резко контрастный по отношению к Западной Европе, то этнофилософия выдвигает на первый план идею о том, что антимир — это тоже мир, включающий в себя в принципе те же компоненты. Если в Европе у истоков науки и психологии была философия, то она издревле есть и в Африке. В Греции ее воплощали имена Гераклита и Зенона, Платона и Сократа, Демокрита и Аристотеля — фигуры во многом уникальные, ставшие символами определенного этапа европейской культуры. В Африке безымянные мыслители такого рода имеются едва ли не в каждом селении, а их идеи — в душе любого африканца. Только выражены они не в философских трактатах и силлогизмах, а в эпосе и фольклоре, пословицах и поговорках, песнях и танцах, в преданиях и заветах мудрых и добрых предков.

Известных либо неизвестных, но Африка всегда имела своих мудрецов. Их окрестили самобытными философами. Кстати, африканские авторы критикуют нарочитую обращенность в прошлое, отрешенность устной народной «философии» от современных проблем. Философ, вы-

ступающий в роли хранителя музея, бесполезен для общества, а философия, игнорирующая историю, будет напоминать растение без корней или спиленный ствол дерева традиционной жизни. Другое дело — оглядываться в прошлое с целью лучше понять и оценить настоящее и тем самым подготовиться к встрече с будущим.

Известный африканский ученый и поэт Окат П'Битек как бы сформулировал социальный заказ своим коллегам-философам:

Ученый, ищущий истину,
Я вижу, как
Среди завалов книг
Блестит от пота
Твоя лишенная волос голова.
Можешь ли ты объяснить
Африканскую философию,
Которая лежит в основе
Наших новых обществ?

Эту философию еще только предстоит создать. Как усвоить новейшие достижения мировой культуры, науки и технологии, не принося в жертву комфортные для населения психологические алгоритмы жизнедеятельности и обычаи предков? *Идти вперед, оглядываясь назад!* Иногда в таком контексте используется образ двухголового африканца, видящего и могущего сопоставлять прошлое и будущее. Чтоб не распалась цепь времен — как в датском королевстве у Шекспира! «Чтобы понять сегодняшнюю Африку, нужно понять Африку традиционную, причем это поможет нам понять самих себя». К такому выводу пришел известный американский африканист Колин М. Тернбул, сохранивший веру в то, что «Африка сможет создать новую форму общества, которое избежит многих опасностей и дефектов, присущих нашему обществу, но которое не будет находиться в изоляции от современного технически развитого мира... Сила традиции означает силу, которая поможет Африке сохранить жизнеспособность и, возможно, будет способствовать благосостоянию всего остального мира».

Но так же, как западный мир многое сделал для удобства и комфорта граждан «золотого миллиарда», так и традиционная среда позаботилась о минимизации различий в пользу максимальной сплоченности родов и общин, семей и этносов. Этот психологический резерв умело использовали Япония, молодые драконы Юго-Восточной Азии. В России тоже зреют идеи прихода в складывающуюся глобальную цивилизацию со своим культурным и ментальным багажом в сочетании с отвечающим технологическим возможностям эпохи уровнем благосостояния граждан.

Негро-африканская философия, согласно Сенгору, гуманна, как жизнь в природе. Она открыта восприятию достижений любых других цивилизаций. Африканское общество в истоках своих — коллективистское. Его суть — *общение душ, а не агрегат индивидов*. Сознание африканца пронизано священным трепетом чувства, искренней верой, утонченной интуицией. Оно подобно объятию, соприкосновению с объектом, реализуется через сопричастность к нему. Разум европейца, напротив, резко дистанцируется от познаваемого мира, рассекая его бесстрастным скальпелем науки и жесткой картезианской логики.

Кстати, акцент на различии психологии цивилизатора и туземца уходит корнями в глубь веков, к концепциям первых колониальных идеологов, людей, несомненно, талантливых и находчивых. Почти тысячу лет назад они создали миф о фатальной антитезе гордого, сдержанного, рационального, благовоспитанного, почитающего христианство джентльмена и необузданно-дикого в своих эмоциях, не способного к адекватному восприятию культуры и религии, а потому заведомо «второсортного» туземца. Впервые после крушения греко-римской античности отношения метрополии и колонии установились между Англией и Ирландией. Поэтому древнейшим джентльменом, не считая общительного грека и воинственного римлянина, оказался хладнокровно-невозмутимый британец, а первым бестолковым, бурно-эмоциональным туземцем — коренной европеец-ирландец с присущими ему богатством фантазии и пренебрежением к логике (колонизатора!). Спустя столетия его потеснили в этом качестве аборигены других материков и рас: индеец, африканец, индиец, малаец, маори, папуас.

Впрочем, тема континентальной специфики мышления не осталась монополией Леопольда Сенгора. Кеннет Каунда, экс-президент Замбии, основатель концепции «замбийского гуманизма»², подчеркивал, что африканский менталитет, в отличие от европейского подхода к реальности, «переживает ситуацию» с позиции прагматического «решения проблемы». Африканец мыслит не по привычной европейцу модели «перебора» вариантов и исключения противоположности в духе *или — или*, а по традиционно-ритуальному принципу оценки прежнего опыта: *как.., так и...* Это позволяет воспринимать действительность в нерасчлененном, целостном виде, как бы очищенной от присущих ей, но «мешающих» человеку противоречий. Последние рассматриваются как результат субъективных ошибок и издержки нарушения традиционных стереотипов поведения и восприятия. Характерно, что в мандингском (малийском) эпосе о Сундиате и Сумаоро победитель не уничтожает побежденного злодея, а просто вытесняет его из спорного пространства. Он дает возможность врагу, покрытому позором поражения, лишенному источника сверхъестественной силы и чудесных превращений, спокойно укрыться в отдаленной горе. Подобная житейская философия живуча в джунглях и саваннах Африки.

Именно поэтому на фронтах вооруженной борьбы ряда африканских стран второй половины XX века сплошь и рядом возникали ситуации взаимного недоумения местных командиров и отечественных советников. Доктрина наших военных академий — окружить врага, чтобы уничтожить его. Эталон — Сталинградская битва. Примерно так все произошло, скажем, в пустынной эфиопской провинции Огаден, где был наголову разбит сомалийский экспедиционный корпус. Напротив, традиционная логика предполагает окружение противника с целью победы над ним, а вовсе не тотального его уничтожения. Она близка стратегии легендарного зулусского полководца Чаки: взяв

² См. Meebelo H. S. *Zambian Humanism and Scientific Socialism*. Lusaka, 1987.

в кольцо врага, надо оставить ему тропу для отступления. С подобной логикой довелось столкнуться и автору этих строк. При случае прошу четырехзвездного генерала, командовавшего сенегальским контингентом во время войны в Заливе, разъяснить мне суть столь необычного гуманизма. В ответ слышу: отчаявшись от безвыходности положения и перспективы неизбежной смерти, окруженные слишком дорого продали бы свою жизнь. Пусть лучше противник уйдет сам, освобождая спорную территорию, оставляя военное имущество, добычу, землю, скот и признавая фактом отступления неоспоримое превосходство победителя.

Сенгоровский образ африканца невольно заставляет вспомнить Гегеля, популярного в среде африканской интеллигенции³, акцентировавшего внимание на жесткой интегрированности африканца в племя и в окружающую природу. Этим он объяснял трудности применения европейского эталона к оценке своеобразия африканского характера. Называя его диким и необузданным, Гегель здесь же отмечал кротость и добродушие по отношению к европейцам в мирное время. Психологический этюд Гегеля созвучен рассуждениям Сенгора — только с обратным знаком безусловного превосходства европейца над представителем «первобытной ступени развития духа». Гегель связывал характер африканца с образом жизни в особых климатических условиях. Сенгор обращается к «чистой» психологии, обычаям и представлениям, уходящим корнями вглубь местных цивилизаций.

У Гегеля Абсолютная Идея гордо витает над человечеством, реализуясь в конкретных событиях и структурах общественных отношений. Сенгор «поселяет» дух в племени и приземляет его, ибо он живет в душе африканца от рождения до смерти и даже после нее. Выпячивая духовность африканца, Сенгор балансирует на грани магии и постулатов католицизма. Африканцу присущи уникальная «способность воспринимать сверхъестественное в естественном, активная самоотдача, самоотдача любви». Стержнем «общности жизни» выступает *объединяющая связь с общим Предком*. Она зависит от кровного родства, являющегося знаком более глубокой реальности — *общности жизненного пламени*. Вот ритуально-стихотворное обращение Леопольда Сенгора «К Маскам»:

Маски, о Маски.
Черные, красные, бело-черные Маски —
Четыре точки лица, откуда доносится мне дуновение Духа,
Маски, в молчанье приветствую Вас,
И не последним тебя, мой предок с обликом Льва.
Вы охраняете это священное место от бренного женского смеха,
от гаснущих быстро улыбок.
В этом чистом воздухе вечности я вдыхаю дыхание Отцов.
Маски с лицом обнаженным, с которого спали морщины,
Это Вами, в подобие Ваше, создан мой облик,
склонившийся пред алтарем чистой бумаги.
К Вам я взываю.

³ См. Dieng A. A. Hegel, Marx, Engels et les problemes de l'Afrique Noire. Dakar, 1978.

Сенгор «своего» африканца и приписываемого Гегелю и Марксу в качестве зеркально-альтернативной модели европейца, по существу, заставляет смотреть на мир с разной «высоты» Истории, игнорируя масштабы и характер общения на тех или иных ее этапах. Под этим углом зрения гносеологическая антитеза негритюда создает ситуацию, аналогичную тому, как если бы человека, разглядывающего прохожих через дверь хижины, считали заведомо большим гуманистом в сравнении с тем, кто смотрит на них же с крыши небоскреба. Ведь первый видит их крупным планом, отчетливее воспринимая частности, детали, нюансы, а спектр помех, отвлекающих его внимание, существенно уже! Если же перенестись из высей политического сознания на почву обыденных представлений, то речь пойдет о нарочито заостренном противопоставлении идеализированного первобытно-общинного строя и жестоко-агрессивного капитализма, то есть эпох и цивилизаций, а не континентов и этносов. Ни на что не похожая, не имеющая исторических аналогов сугубо африканская самобытность является, по тонкому замечанию Сенгора, «продуктом особого пространства и времени, то есть специфической географии и истории, этноса и культуры». Идеализация милого, привычного прошлого и страх перед неведомым будущим лежат в эмоционально-смысловом подтексте и негритюда, и африканской этнофилософии.

Иными словами, как континентально-расовая доктрина негритюд еще при жизни Сенгора израсходовал былой антиколониалистский и антирасистский потенциал, эволюционируя в очень специфическую социал-демократию нарождающегося африканского среднего класса. Более того, как реликт недавней концепции черного национализма и даже черного расизма, он отстал от быстротекущей жизни, а заикленность на нем стала выступать в качестве предмета юмора. Вот один из самых едких афоризмов на эту тему известного нигерийского писателя, лауреата Нобелевской премии Воле Шойинки: «Тигр не нуждается в декларировании своего тигритюда — тигр просто прыгает!»

«Людоеды живут на Западе»

Мировые войны в Европе с участием нескольких миллионов сенегальских и прочих «стрелков» из африканских колоний и протекторатов естественным образом разрушили в их глазах представление о всесилии и непобедимости белого человека, подверженного тем же страданиям, пулям и смерти, что и сражавшиеся плечом к плечу с ним африканцы. Рухнули иллюзии тотального гуманизма западной культуры и цивилизации, терпеливо насаждавшиеся дотошными европейскими миссионерами. Когда официальная Франция отвернулась от ввергнутых по ее инициативе в жестокую битву сенегальских стрелков, мировоззрение поэта сдвинулось в сторону неприязни к вестерн-цивилизации. Пребывание в Нью-Йорке он описал в духе симптомов глубинного кризиса человечности:

Нью-Йорк! Сначала меня смутила твоя красота, твои
 золотистые длинноногие девушки:
 Сначала я так оробел при виде твоей ледяной улыбки
 и металлически-синих зрачков,
 Я так оробел. А на дне твоих улиц-ущелей, у подножья небоскребов,
 Подслеповато, словно сова в час затмения солнца, моргала глухая тревога,
 И был, точно сера, удушив твой свет, и мертвенно-бледные
 длинные пальцы лучей смыкались на горле у неба,
 И небоскребы зловеще грозили циклонам, самодовольно играя
 своими бетонными мышцами и каменной кожей.
 Две недели на голых асфальтах Манхэттена, —
 А к началу третьей недели на вас прыжком ягуара налетает тоска.
 Две недели ни колодцев, ни свежей травы, и птицы откуда-то сверху
 Падают замертво под серый пепел террас.
 Ни детского смеха, ни детской ручонки в моей прохладной ладони,
 Ни материнской груди, только царство нейлоновых ног,
 только стерильные ноги и груди.
 Ни единого нежного слова, только стук механизмов в груди —
 Стук фальшивых сердец, оплаченных звонкой монетой.
 Ни книги, где бы слышалась мудрость. Палитра художника
 расцветает кристаллом холодных кораллов.
 И бессонные ночи... О ночи Манхэттена, заселенные бредом
 болотных огней, воем клаксонов в пустоте неподвижных часов.
 А мутные воды панелей несут привычную тяжесть гигиеничной любви, —
 Так река в половодье уносит детские трупы.

Парадоксально, но тема цивилизованного «людоедства» звучит в адрес просвещенного Запада из глубин сознания самого дикого, по его мнению, континента. Сенгор приводит сомнения по поводу гуманности западного мира, одолевающие неграмотного, но мудрого односельчанина. Как ни странно, их взгляды совпадают по смыслу. «Все белые — людоеды, — сказал он президенту своей страны, — у них нет никакого уважения к людям», ибо, «убив» другого, они используют его смерть как средство достижения своих еще более «людоедских» целей. «Они гордятся приручением природы, но жизнь не приручишь. Боюсь, все это плохо обернется. Белые, одержимые страстью к разрушению, в конце концов навлекут на нас беду», — заключил с тревогой герой этих стихов. Такова обыденная оценка неизбежного краха вестернизированного образа жизни, основанного на потребительстве, накопительстве, стяжательстве, эгоцентризме, гонке наперегонки с самим собой. И альтернативу ему африканцы видят в стратегии выживания, становящейся все более очевидным императивом человечества. В этом смысле бытовая мудрость неграмотного крестьянина в принципе совпадает с выводом, который с большой натугой сделали самые продвинутые интеллектуалы Западной Европы, объединившиеся в рамках элитного Римского клуба. Слышится в размышлениях доморощенного сенегальского философа нечто, созвучное призыву антиглобалистов (а точнее — альтерглобалистов): «Единство не монополий и банков, а Человечества и Природы».

Сенгор, колеблясь и мучаясь, горячо стремясь к лучшему будущему, явно страдал ностальгией по «славному прошлому» и его атрибутам. В поэме «Возвращение блудного сына» чаша весов сомнений поэта склоняется к озаренному романтикой благородству предков:

Я припадаю к вашим стопам, в пыли моего уваженья,
 К вашим стопам, мои бессмертные предки; ваши маски здесь,
 В этом зале, смеются с презрением в лицо бездушному Времени.
 Верная служанка моего детства, омой мои ноги,
 Покрытые грязью Цивилизации...

Но в глубине сознания он понимает, что это — горячий порыв ночной мечты наедине с любимой женщиной, мечты, которая длится до той поры,

пока ангел Зари не вернет меня в руки твои,
 к твоему слепящему и такому жестокому свету,
 Цивилизация!

Сенгор открыл остальному миру другое, внеевропейское, самобытно-африканское измерение духовности. Он сердцем поэта и мудростью политика прочувствовал исторический тупик западной цивилизации, которая тянет за собой на край экологической пропасти и антропологического вырождения остальное человечество. Между тем присущая африканцам естественная «стратегия выживания» все более явно становится реальной альтернативой техногенному Апокалипсису как императив дальнейшего существования людей. В этом смысле бедная Африка «нужна» богатой Европе не меньше, а скорее больше, чем Европа ей.

Ныне, когда уходит навек Африка древних империй,
 царица в агонии жалкой,
 Когда погибает Европа, — а мы связаны с ней пуповиной,
 Опустите взгляд неподвижный на Ваших детей,
 подвластных жестоким приказам,
 На Ваших детей, отдающих жизни свои, как нищий — последнее рубище.
 Пусть мы ответим: «Здесь!» — когда нас позовет Возрождение мира.
 Пусть мы станем дрожжами, — без них не взойти белому тесту.
 Ибо кто внесет оживляющий ритм в этот мертвенный мир
 машин и орудий..?

Российские ассоциации

Я нахожу в творческом наследии великого африканского философа, поэта и идеолога геопсихологический формат планетарной антитезы «Север — Юг». В его трактовке она включает в себя рефлекссию образа иной, чужой, непривычной, а потому «ненастоящей», ущербной цивилизации, а также иной культуры, иных представлений о смысле жизни, институтах власти и отношениях собственности. Ему невдомек, почему напрочь запутавшаяся в заманчивых сетях технологизма вестерн-цивилизация под флагом благотворительности предлагает странам Африки занять места в поезде, в ускоренном темпе катящемся в пропасть бесчеловечности и неизбежных катаклизмов в отношениях с природой и остальным миром⁴. Кстати, в период гайдаровских реформ, нацеленных на превращение России во «вторую Европу», респектабельная парижская газета «Le Monde» саркастически предостерегла об опасности скачивания нашей страны в случае их успеха на уровень «второй Африки», или, как тогда говорили, «Верхней Вольты с ракетами».

⁴ Подробнее см. Андреев И. Л. Перегнать не догоняя // Свободная Мысль. 2013. № 1, 2.

Обострившееся противостояние Запада и Востока в лице мусульманского протеста, экстремизма и терроризма имеет под собой мощный пласт не только геополитики и геоэкономики, но и геопсихологии. Африканское видение симптомов увядания и трагического эгоцентризма вестерн-цивилизации помогает лучше понять, во-первых, свое подспудно-глубинное отношение к Западу как социальному феномену, энергично предлагаемому нам в качестве безупречного образца желанного будущего. А во-вторых — прочувствовать житейскую молчаливо-протестную, порой переходящую в анархистско-агрессивную логику протеста населения «третьего мира», поэтически ярко и психологически точно выраженную Сенгором. Без учета этого, безусловно, планетарного фактора человечество рискует встать на путь сепаратистски локального одичания или на безумную тропу глобального самоуничтожения. Опасность обеих этих тенденций очевидна, но пути их блокирования подлежат тщательному исследованию, в том числе в контексте российских проблем и государственных интересов.

В российские реалии, будто две нити хромосом, вплетены европейские и азиатские корни. Дискуссии о выстраивании отношений России с Западом и Востоком могут быть обогащены опытом общения Сенгала с бывшей метрополией Францией, в котором Сенгор настойчиво искал модель будущей общечеловеческой цивилизации. В чем же заключается главный вывод его полувековых теоретических размышлений и политической деятельности, включая 20-летнее пребывание в должности президента страны, не знавшей в тот период и последующее время сколь-нибудь острых политических катаклизмов? В том, что Юг и Север могут осуществить плодотворное взаимовлияние, обогащая культуру и менталитет друг друга, в условиях экономической и психологической толерантности как предпосылок устойчивого по отношению к внешним помехам социально-экономического развития.

Сенгоровские идеи гуманистической стыковки присущих разным цивилизациям структур сознания и жизнедеятельности при сохранении многих глубинных ментальных традиций и привычных форм поведения отнюдь не ушли из жизни вместе с ним. По сути, они только теперь начинают свою «жизнь после жизни», ибо представляют интерес и нетривиальную информацию для размышления политикам и политологам, социологам и психологам, упорно примеряющим к российской реальности одежду западного покроя, исключая африканские и афро-европейские, как заведомо непригодные для нас. А зря! Ведь именно Россия сумела соединить в себе, синтезировать, сплавить в нечто единое Восток и Запад, два континента — Европу и Азию, две расы, несколько религиозных конфессий. И не только географически, политически, экономически, но и психологически, культурологически, интеллектуально и эмоционально. Если печальная участь «умирающей» в экономических и финансовых объятьях цивилизованного Запада Африки для России — угроза, то пример России для Африки во многом поучителен в своих как величественных, так и трагических ипостасях. Об этом невольно думаешь, читая и перечитывая Сенгора. ◆